Клышевич Мария Александровна

ЭКСПЕРТЫ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ О ПЕРСПЕКТИВАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ (1919-1922 ГОДЫ)

В статье изучаются взгляды, существовавшие у экспертов МИД Германии на необходимость становления и развития отношений с Советской Россией в 1919-1922 годах. Особое внимание уделяется аналитической работе К. Граапа и М. Шлезингера, изучавших экономическое состояние России и составлявших отчеты, которые оказали влияние на принятие решений об экономическом и политическом сближении двух государств. Автор делает вывод о роли экономических экспертов в становлении германо-советских отношений и подготовительной работе по заключению Рапалльского договора 1922 года.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 81-85. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

SPIRITUAL WORLD OF THE RUSSIAN INDUSTRIAL TOWN FROM SOCIAL-PHILOSOPHICAL POINT OF VIEW

Kasatkina Svetlana Sergeevna, Ph. D. in Philosophy
Cherepovets State University
SvetlanaCH5@rambler.ru

Presenting the social-philosophical view of the specificity of industrial centers spiritual world in Russia the author mentions the contradictions in the existing spiritual life of industrial towns, substantiates that spiritual crisis is obvious, it is reflected on the social-cultural space of many company towns of the country, and tells that townspeople's consumer interests destructively influence the abilities and possibilities of urban socium spiritual development.

Key words and phrases: urban life; industrial towns; spiritual world of industrial town; features of urban development; social-cultural space of the Russian town.

УДК 9(4)
Исторические науки и археология

В статье изучаются взгляды, существовавшие у экспертов МИД Германии на необходимость становления и развития отношений с Советской Россией в 1919-1922 годах. Особое внимание уделяется аналитической работе К. Граапа и М. Шлезингера, изучавших экономическое состояние России и составлявших отчеты, которые оказали влияние на принятие решений об экономическом и политическом сближении двух государств. Автор делает вывод о роли экономических экспертов в становлении германо-советских отношений и подготовительной работе по заключению Рапалльского договора 1922 года.

Ключевые слова и фразы: советско-германские отношения; внешняя политика Советской России; Новая экономическая политика; Министерство иностранных дел Германии; Рапалльский договор 1922 года; Генуэзская конференция 1922 года.

Клышевич Мария Александровна
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
klyshevichm@mail.ru

ЭКСПЕРТЫ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ О ПЕРСПЕКТИВАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ (1919-1922 ГОДЫ)©

После окончания Первой мировой войны Германия и Советская Россия стали изгоями европейской политики. Перед ними стояли важные вопросы восстановления экономики и выхода из политической изоляции, поэтому с 1919 года начинается постепенное выстраивание отношений между двумя государствами. Первым дипломатическим документом, в котором Россия признавалась полноценным партнером западной страны, стал Рапалльский договор 1922 года между Советской Россией и Германией. Его подготовке и подписанию предшествовали длительные переговоры. В советской и российской научной литературе в рамках изучения вопроса установления советско-германских дипломатических и экономических отношений особо выделяется роль Уго фон Мальцана, Вальтера Ратенау, Ульриха фон Брокдорфа-Ранцау, тогда как западная литература отводит большое место влиянию, кроме вышеперечисленных, и других сотрудников германской дипломатической службы: Карла Граапа, Карла Гельфериха, Морица Шлезингера, Герберта Гаушильда. Особое значение для советско-германских отношений имела позиция экономических экспертов: К. Граапа, М. Шлезингера, так как для обоих государств на первом месте стояла проблема выхода из экономического кризиса. Основные сведения о деятельности экономических экспертов содержатся в архивах Германии, а также в работах зарубежных историков [3-5], информация о роли этих личностей, их влиянии на германо-советское сближение в российских источниках крайне скудна, поэтому мы считаем необходимым восполнить этот пробел.

Еще с 1918 года одним из сторонников установления контактов с Советской Россией стал Карл Граап. Он был экспертом в МИД Германии и важным источником информации, на основании которой германское руководство формировало свою внешнюю политику в отношении Советской России в 1919-1922 годах.

Карл Граап начал свою профессиональную карьеру в 1892 году инженером в Рурской компании *Rhein-Stahlwerke*. А уже в 1896 году он был отправлен компанией в Россию, для того чтобы наблюдать за строительством промышленных объектов, финансируемых консорциумом под руководством Круппа. С этой миссией он пробыл в России до 1906 года. В 1911 году К. Граап вновь был привлечен для работы в России Московской металлургической компанией. В 1918 году К. Граап в качестве экономического советника

© Клышевич М. А., 2013

от военного министерства Германии вернулся в Россию, для того чтобы работать во вновь открывшемся торговом представительстве в Москве. Его глубокие знания германской и российской промышленности, свободное владение русским языком, а также обширные знакомства с представителями экономических элит двух государств позволили ему стать одним из ведущих экспертов в области экономических отношений с Россией в МИД Германии. Взгляды К. Граапа на развитие советско-германских отношений были отражены в меморандуме, направленном в августе 1918 года представителю Германии в России К. Гельфериху. Целью данного меморандума была оценка возможностей установления и развития германо-советских экономических отношений. Несмотря на экономическую направленность меморандума, в нем давался анализ взаимоотношений между Берлином и Москвой [3, p. 77].

С точки зрения К. Граапа, установление экономических отношений с Россией было крайне выгодно для обеих стран, несмотря на те политические трудности, с которыми столкнулись оба государства. Выводы К. Граапа основывались на двух аргументах: долгосрочные взаимные интересы и угроза Германии со стороны Англии и Франции. Основным положением, которое отстаивал К. Граап, было то, что у Германии и России имелись схожие экономические проблемы. Германия испытывала недостаток природных ресурсов, обладая при этом большим количеством высококвалифицированных специалистов. Россия обладала богатыми природными ресурсами, но не имела технического потенциала для их освоения. Эти взаимные интересы были, по его мнению, для Германии важнее, чем возможное отрицательное отношение западных стран к германо-советскому сотрудничеству. Рекомендации, которые делал К. Граап, исходя из этих аргументов, состояли в том, что Германии необходимо подготовить почву для более тесных экономических отношений и кооперации с Советской Россией путем тщательного изучения экономического состояния Советской страны и оказания ей помощи в восстановлении народного хозяйства. К. Граап считал, что время для экономического сотрудничества уже пришло, но Германия должна оценивать выгоды от сотрудничества не в краткосрочной, а долгосрочной перспективе. В заключение своего меморандума К. Граап делал следующие выводы: «Россия в настоящее время испытывает серьезные проблемы, как и другим странам, в послевоенный период ей необходимо время для восстановления. В то время как по человеческим меркам этот период может казаться длительным, по историческим меркам он весьма ограниченный. То государство, которое в этот период российской истории успешно сохранит тесные связи с Россией и будет оказывать на нее влияние, несмотря на то, сколько понадобится России времени для восстановления, станет для России в будущем постоянным и важным партнером» [Цит. по: Ibidem, p. 78]. К. Граап полагал, что время активного сотрудничества с Россией уже пришло, и Германия сможет в будущем получить от этого значительные выгоды. Кроме того, он считал, что экономический рост может повлечь за собой изменения в сложившемся политическом устройстве России. К. Граап отрицательно относился к позиции о необходимости путем экономического давления принудить Россию к переходу на капиталистические отношения.

В течение лета-осени 1919 года Германия предпринимала шаги по нормализации отношений с Советской Россией, одним из которых стала отправка миссии в Москву. В июле МИД Германии обсуждал вопрос об отправке «ряда лиц, хорошо знакомых с Россией, для сбора информации об экономическом положении страны» [Цит. по: Ibidem, p. 81]. К. Граап был одним из претендентов на участие в этой миссии, и в октябре 1919 года К. Граап выехал в Россию. В Константинополе он был задержан представителями западных держав, и достичь конечного пункта поездки – Новороссийска – ему не удалось. Во время вынужденной остановки в Константинополе он встретился с представителями различных политических сил России и с должностными лицами стран Антанты, что дало ему возможность составить общую картину экономического и политического состояния Советской страны: «…юг России испытывает серьезные затруднения в урегулировании экономических вопросов. Кредиты в иностранной валюте недоступны, и нет какой-либо организации, которая установила бы стандарты по обмену товаров. Уровень поборов меняется ежедневно и является не более чем мнением и капризом торговцев… Большинство сделок носят спекулятивный характер и являются контрабандой» [Цит. по: Ibidem, p. 82]. Несмотря на все отмеченные отрицательные явления, К. Граап продолжал придерживаться мнения, что Россия нуждается в помощи Германии для восстановления своей экономики.

К. Граап относился к большевизму как к идеологии, которая стремилась создать утопическую мировую державу на руинах бывшего мирового устройства. Он полагал, что большевизм возник из-за бедности и тяжелого состояния российского народа, и делал следующий вывод: «Массовая, крупномасштабная военная операция против большевизма невозможна, оборонительная стратегия спорна, кампания по просвещению и пропаганде слишком запоздала. Избавление от большевизма может произойти только благодаря действиям по искоренению причин, приведших к большевизму. Только таким образом большевистские идеалы, продемонстрировав свою утопичность, могут потерять свою привлекательность в глазах народных масс. Борьба против большевиков, или в более мягком виде – излечение страны от большевизма, может быть успешна через восстановление российской экономики» [Цит. по: 4, p. 10].

К. Граап предлагал бороться с большевизмом путем искоренения экономической изоляции и несчастий, вызванных войной, революцией и коммунистической экономической политикой. Как и в августе 1918 года, он считал неправильным избегать установления экономических отношений с Советской Россией и был уверен, что включение России в европейскую экономику даст толчок к позитивным изменениям в России.

В конце 1919 года в Берлин из разных официальных и неофициальных источников стали поступать сообщения о том, что политика большевиков может в скором будущем измениться в благоприятную для

Германии сторону. Перед Германией встал вопрос об экономическом сотрудничестве, для чего в МИД Германии создается отдел внешней торговли во главе с К. Виденфельдом. Началась разработка новой внешнеполитической программы. Вновь созданный отдел нуждался в специалистах с богатым практическим опытом. К. Граап идеально подходил для этого и занял пост советника и руководителя отдела по вопросам, касающимся России и Скандинавских стран.

В мае 1920 года К. Граап, уже имевший опыт работы в России с особой миссией, был официально нанят торговым отделом министерства иностранных дел Германии и назначен экспертом в русский отдел. Он вернулся в Россию в сентябре 1921 года. С мая 1920 года по сентябрь 1921 года анализ экономического состояния России, сделанный К. Граапом, начал использоваться в официальной позиции МИД Германии. Мнение К. Граапа имело вес, так как он не только был экспертом по России, но и обладал богатым опытом сотрудничества с дореволюционной Россией.

В сентябре 1920 года еще один специалист по Советской России – Мориц Шлезингер подготовил подробный отчет по ситуации в России и свои рекомендации по политике Германии. М. Шлезингер заключал, что большевистский режим твердо установился в России, так как никакое другое политическое направление не могло успешно осуществлять функции управления страной, но в то же время полагал, что экономическая ситуация в стране будет постепенно меняться в сторону капитализма, поэтому считал необходимым немедленное установление торговых отношений с Советской страной. М. Шлезингер утверждал, что благодаря развитию отношений с Германией российский рабочий класс осознает, что российское правительство должно привлечь к работе бывших царских чиновников для того, чтобы справиться с внутренними врагами и получить иностранную помощь для восстановления экономики. У. фон Мальцан развил эту точку зрения дальше: «Большевизм не может быть разрушен с помощью радикальных военных мер, он может быть убран только изнутри» [Цит. по: Ibidem, p. 11]. М. Шлезингер подчеркивал значение Германии как посредника между Советской Россией и странами Запада, признавая необходимость организации международных консорциумов с иностранными фирмами. При этом М. Шлезингер указывал, что Советская Россия извлекала из сотрудничества гораздо больше выгоды, чем Германия, и призывал требовать свободной экономической деятельности предпринимателей обоих государств без заключения договоров между правительствами обеих стран [1, с. 136].

К весне 1921 года изучение развития Советской России не только занимало важное место в деятельности МИД, но и начало интересовать политические силы и промышленные круги. Одним из сторонников идеи отношений был экс-министр иностранных дел У. Брокдорф-Ранцау. Он поддерживал постоянную переписку с У. фон Мальцаном и, таким образом, был осведомлен об официальной политике германского МИД. 25 апреля 1921 года У. Брокдорф-Ранцау встретился с президентом Ф. Эбертом для обсуждения вопросов внешней политики Германии. В ходе этой встречи У. Брокдорф-Ранцау заявил: «Возможность германского освобождения (от Франции) лежит в установлении открытых экономических и политических отношений с Россией» [Цит. по: 4, p. 12]. У. Брокдорф-Ранцау считал, что вопросом для Германии является не сам факт необходимости установления отношений, а пришло ли подходящее время для этого шага: «В свете раскола в советском правительстве мы могли бы сделать попытку превратить революцию в эволюцию» [Цит. по: Ibidem]. Под расколом в советском правительстве У. Брокдорф-Ранцау понимал переход к НЭПу, который рассматривался германским руководством как свидетельство эволюционных процессов в России. По этому поводу У. фон Мальцан отмечал: «Совместно с Лениным, Красин призывает к более мягкой форме большевизма, склоняется к политике эволюции и предпочитает коммунистическим принципам новые принципы государственного капитализма. Такая позиция имеет большое влияние в Москве. Практическими результатами этой политики будут переосмысление торговли, более тесное сотрудничество с капиталистическими странами Запада, получение концессий и смягчение политики по отношению к частной собственности и иностранному имуществу в России» [Цит. по: Ibidem, p. 13].

В этот период в экономической жизни России начали происходить изменения, связанные с переходом к НЭПу. В МИД Германии все больший вес стало иметь мнение К. Граапа о том, что большевизм мог трансформироваться в более мягкую систему, которая будет иметь благоприятные возможности для экономического и политического сотрудничества с Германией, что подталкивало Берлин к сотрудничеству с Москвой. Шагами на пути к этому стало заключение соглашения об обмене пленными и интернированными 19 апреля 1920 года, торгового соглашения от 6 мая 1921 года и открытие в 1921 году постоянных торговых представительств обеих стран.

В июне 1921 года, через месяц после заключения торгового соглашения, У. фон Мальцан в меморандуме оценил перспективы сотрудничества Германии и Советской России. Он писал, что НЭП сигнализировал о сдвиге в политике России, и ожидал в будущем экономические реформы в стране, которые сильно изменят существовавшие на тот момент принципы. Эти изменения должны были коснуться как экономической, так и политической сфер. У. фон Мальцан полагал, что Германии нельзя оставаться в стороне от происходящих перемен, не преувеличивая их положительные последствия. Тем не менее эти изменения могли дать Германии значительные перспективы сотрудничества в будущем [Цит. по: 5, S. 217].

Во главе германского представительства в Москве был поставлен К. Виденфельд, пригласивший К. Граапа сопровождать его в Россию в качестве экономического эксперта и главы экономического отдела представительства. С сентября 1921 года К. Граап начал работать в Москве, поставляя в Берлин необходимые сведения по экономическому развитию Советской России. Его подробные сообщения обеспечивали МИД Германии

информацией в ключевой для обеих стран период, предшествовавший заключению Рапалльского договора. К. Граап изучал развитие Советской России и продолжал придерживаться позиции о необходимости углубления советско-германского сотрудничества. К. Граап также указывал на свидетельства того, что в стране начали происходить позитивные изменения, подтверждавшие идею об эволюции большевизма. Доказательством этого он считал деятельность правительства по борьбе с теми, кто не соглашался с новым экономическим курсом, а также увеличение в советской прессе критики излишней централизации экономики. Кроме того, К. Граап отмечал появление буржуазных элементов и их растущее влияние на принятие экономических решений. Так, многие экономические эксперты, привлеченные в систему государственного аппарата, были знакомы К. Граапу еще по его работе в дореволюционной России [3, p. 86].

Дав полный анализ развития Советской России, К. Граап рекомендовал Берлину ряд практических шагов. Прежде всего, он считал важным то, что правящие круги Германии должны признать позитивные изменения, происходящие в России, и не должны руководствоваться стереотипами и предвзятым отношением. Кроме того, он критиковал создание германской прессой негативного образа Советской России, что мешало германским промышленникам увидеть реальную картину происходящего и принять решение об инвестировании денег в советскую экономику. Важно было не только понять все те изменения, которые происходили в экономике Советской России, но и быстро и решительно действовать.

Доклады К. Граапа имели особый вес в МИД Германии, их внимательно прочитывал, анализировал и обсуждал с Й. Виртом У. фон Мальцан, сыгравший важную роль в установлении германо-советских отношений. Он подчеркивал: «Комментарии К. Граапа рисуют очень важную и подробную картину германских возможностей в Советской России» [Цит. по: Ibidem, p. 89]. У. фон Мальцан считал доклады К. Граапа настолько важными и информативными, что, в отличие от докладов К. Виденфельда, сообщения К. Граапа он переправлял в вышестоящие отделы и заинтересованным сторонам [Ibidem].

Осенью 1921 года Германия стремится к установлению не только экономических, но и политических отношений с Советской Россией, включая возможность полного дипломатического признания Советской страны. Такому сдвигу в политике Германии способствовали многие факторы. Одним из них стало решение Лиги Наций 20 октября 1921 года о разделении Верхней Силезии таким образом, что более развитая часть отходила к Польше. Это решение, сделанное под серьезным давлением со стороны Франции, рассматривалось в Германии как неудача политики выполнения, проводимой Й. Виртом. Раздел Верхней Силезии привел к серьезным перестановкам в правительстве, и прежде всего к смещению с должности министра иностранных дел Фридриха Розена, известного своими антисоветскими настроениями. В результате изменений главой Восточного отдела был назначен У. фон Мальцан. После раздела Верхней Силезии Й. Вирт стал воспринимать политику выполнения как тактический ход и начал обсуждать возможности более активной деятельности в отношении Советской России.

23 января 1922 в комиссии рейхстага по иностранным делам обсуждался вопрос о предстоящей Генуэзской конференции и русский вопрос. Выступавшие (Й. Вирт, У. фон Мальцан, Б. Дернбург, К. Гельферих) высказались за необходимость поддержки и укрепления экономических отношений с Россией, при этом проявляя осторожность в отношении Антанты. Немецкий промышленник Г. Стиннес требовал самостоятельной политики Германии в отношении Советской России, указывая, что необходимо еще до Генуи дать России значительный кредит, хотя и с соблюдением осторожности перед Антантой [2, с. 423]. В. Ратенау полагал, что в политическом отношении Советы останутся у власти в России, но не смогут осуществить свои идеи в экономическом отношении. В России снова начнет развиваться частная собственность. Чтобы избежать единого фронта против себя, Россия намерена раскалывать западные державы и использовать как средство давления статью 116 Версальского договора. По мнению В. Ратенау, на первом плане для Германии стоял вопрос о признании Советской России и экономической поддержке [Там же, с. 429-431].

В январе 1922 года Германия начала вести переговоры через советского представителя К. Радека с целью достичь экономического или политического соглашения. 24 января 1922 года представитель РСФСР в Германии Н. Н. Крестинский сообщил в НКИД, что К. Радека посетил У. фон Мальцан и беседовал около двух часов о сумме товарного кредита Германии в 1 млрд марок для РСФСР и других вопросах. Проект соглашения предусматривал погашение военных долгов и то, что вознаграждение за национализированную собственность и аннулированные долги для немцев не должны быть хуже, чем для подданных Антанты. У. фон Мальцан отмечал, что данный вопрос носит для германского правительства не столько экономический, сколько политический характер. В свою очередь Германия готовила почву для заключения договора с Советской Россией. Выступая в рейхстаге, Й. Вирт заявил: «Мы выразили бы очень большое сомнение в отношении такой политики, которая хочет, чтобы Россию рассматривали и обращались с ней как с колонией. Мы хотим не колониальной политики, а совместной работы также и в союзе с побежденными народами» [Там же, с. 427].

При поддержке главы правительства были продолжены переговоры с Советской Россией. В первой половине февраля состоялся ряд встреч представителей двух стран, на которых обсуждались вопросы сотрудничества и заключения соглашения. Кроме того, на политику Германии влияли донесения из Советской России, которые МИД получал по официальным и неофициальным каналам. Одним из таких источников был Вернард Ваурик – корреспондент *Deutsche Allgemeine Zeitung*, – который информировал У. фон Мальцана, что Россия медленно, но неуклонно движется к системе частной собственности [5, S. 306].

2 января 1922 года К. Граап сообщал в Берлин, что НЭП продемонстрировал поворотный пункт в политике Советской России и что «Германия не может больше откладывать установление экономических

отношений с Россией. Быстрые и решительные шаги в экономической и политической сферах гарантированно приведут к успеху. Страх большевизма – залог его победы. Провозглашение Новой экономической политики… является поворотным моментом в текущей ситуации в России, значение которой Германия не должна преуменьшать. В интересах Германии вмешаться сейчас в экономику России с тем, чтобы поддержать развитие, которое приведет к восстановлению России» [Цит. по: 4, p. 16]. Еще одним сторонником установления отношений с Советской Россией был эксперт Герберт Гаушильд. Он подготовил меморандум, касавшийся перспектив полноценных торговых связей с Советской Россией, и заключил: «Согласно многочисленным сообщениям и подтверждениям, не может быть сомнения в том, что Советская Россия отказалась от коммунистических принципов в экономике и что советские лидеры начали активно вести Россию к экономической жизни, основанной на индивидуализме и свободе торговли. Как только будут убраны барьеры для свободного экономического развития России, торговля в стране начнет развиваться быстрыми темпами. Несомненно, Россия сильно продвинулась в попытке ухода от коммунизма и возвращения к капиталистической экономике. Можно перечислить множество заявлений советских лидеров, декретов и законов, подтверждающих это. Достаточно сказать, что Россия преодолела коммунизм и открыла ворота перед свободной торговлей и, таким образом, перед мировой торговлей» [Цит. по: Ibidem].

В МИД Германии выделялась точка зрения К. Граапа и включалась в общую политику в отношении Советской России, разрабатываемую министерством. К. Граап был уверен, что восстановление полноценных экономических отношений Германии и Советской России позволит последней развиваться более умеренным и эволюционным путем [2, с. 529-531]. Его сообщения выражали необходимость установления более тесных связей с Советской Россией и все больше убеждали руководство Германии пойти на двусторонние переговоры с Россией на предстоящей Генуэзской конференции. Результатом в том числе его аналитической работы и выдвинутых идей стало заключение Рапалльского договора 1922 года.

Берлин настаивал на том, чтобы реализация договора базировалась на либеральных и капиталистических нормах Запада, а не революционных, коммунистических принципах Советского правительства. Придерживаясь этой позиции, германское руководство призывало правящие круги России смягчить или совсем отказаться от монополии внешней торговли и дать возможность германским предприятиям напрямую работать с советскими партнерами. Так германское правительство надеялось способствовать возвращению России к капиталистическим отношениям, что еще больше укрепило бы позиции Германии на Востоке.

Подводя итог изложенному, можно заключить, что в 1919-1922 годах политика Германии в отношении Советской России формировалась, прежде всего, на основе экономических интересов страны. К. Граап, М. Шлезингер, Г. Гаушильд, будучи экономистами, привлеченными для работы в МИД, готовили детальные отчеты и меморандумы о состоянии дел в Советской России, основываясь на объективном анализе экономической и политической ситуации, взгляде «изнутри». Их мнение играло важную роль при принятии решений по германо-советскому сотрудничеству и находило свое практическое выражение в заключенных между Германией и Советской Россией соглашениях.

Список литературы

1. **Лучников А. В.** Советско-германские взаимоотношения в представлениях «пересевших» дипломатов МИД Веймарской Германии // Новейшая история Отечества XX-XXI вв.: сб. науч. трудов. Саратов, 2012. Вып. 4. С. 134-139.
2. **Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора**: сборник документов: в 2-х т. М.: Политиздат, 1971. Т. II. 596 с.
3. **Cameron D. J.** Carl Graap and the Formation of Weimar Foreign Policy toward Soviet Russia from 1919 until Rapallo // Diplomacy & Statecraft. 2002. V. 13. № 4. P. 75-95.
4. **Cameron D. J.** To Transform the Revolution into an Evolution: Underlying Assumptions of German Foreign Policy toward Soviet Russia, 1919-27 // Journal of Contemporary History. 2005. Vol. 40. № 1. P. 7-24.
5. **Joeres N.** Der Architekt von Rapallo: der deutsche Diplomat Ago von Maltzan im Kaiserreich und in der frühen Weimarer Republik. Heidelberg, 2006. 662 S.

EXPERTS OF THE GERMAN MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS ABOUT PROSPECTS OF ESTABLISHING RELATIONS WITH SOVIET RUSSIA (1919-1922)

Klyshevich Mariya Aleksandrovna
Ryazan' State University named after S. A. Esenin
klyshevichm@mail.ru

The author analyzes the views of the experts from the German Ministry of Foreign Affairs on the formation and development of the relations with Soviet Russia in 1919-1922, pays special attention to the analytical work of C. Graap and M. Shlesinger, the experts, who studied the economic status of Russia and made reports on this issue, which influenced the decision making about economic and political rapprochement between Soviet Russia and Germany, and comes to the conclusion about the role of economic experts in the formation of the Soviet-German relations and preparatory work before signing the Treaty of Rapallo of 1922.

Key words and phrases: the Soviet-German relations; foreign policy of Soviet Russia; New Economic Policy; Ministry of Foreign Affairs of Germany; Treaty of Rapallo of 1922; Genoa Conference of 1922.